

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

«Преступление и наказание» Темы, мотивы, символы

Конечно, есть основания говорить о «бунте» Раскольникова как о «протесте против ненормальности социального устройства». Со страниц романа встает мир каморок, больше похожих на шкаф или каюту, чем на жилье, «серединных петербургских улиц и переулков» вблизи Сенной, доходных домов с дворами-колодцами и черными лестницами, распивочных и грязных подворотен — мир нищеты, доведенной до последней «черты». Безысходность — лейтмотив рассказа-исповеди Мармеладова о своей семье. Катерина Ивановна, оставшись с детьми в невообразимой нищете, пошла замуж за Мармеладова: «Плача и рыдая, и руки ломая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?» «Некуда больше идти» Соне, потому что честный труд не спасает от нищеты: «...много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает...» Остается только улица. Соня «преступила» нравственную норму и Божию заповедь, но сделала это во имя любви и добра, во имя спасения близких от голода и холода. Катерина Ивановна тоже «преступила» нравственный закон: ее горькие и злые слова подтолкнули Соню к страшному решению, но произнесены они были от отчаяния, оттого, что голодных детей накормить нечем и помощи ждать неоткуда. Осознание своей вины толкнуло ее на колени перед падчерицей, молча положившей перед нею тридцать рублей — иудины деньги мира, предавшего чистоту и нравственность. «Преступен» Семен Захарович Мармеладов, лежавший пьяненьким, когда дочь по «желтому билету» пошла, выкрававший у жены чулочки, пьющий теперь на копейки, принесенные дочкой-проституткой. «Черта наступила» и для Раскольникова. «Задавленный бедностью», «второй день как уж почти совсем ничего не евший», он «насушными делами своими совсем перестал и не хотел заниматься»; «он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днем выходить в таких лохмотьях» — «трудно было более опуститься и обнеряшиться; но Раскольникову это было даже приятно в его теперешнем состоянии духа».

Достоевский строит первую часть романа так, что каждая новая встреча или впечатление укрепляют героя в его убеждении и демонстрируют «преступаемость» человека в мире. Вслед за встречей с Мармеладовым Раскольников получает письмо матери, где Сонина ситуация повторяется с сестрой Родиона — Дунечкой — и где мать благословляет дочь «пожертвовать» собою («переступить» через себя) ради благополучия брата. Если Раскольников примет эту «жертву», то окажется в положении Мармеладова. Из письма матери со всей очевидностью видны всецело преступные образы Лужина и Свидригайлова.

Так возникает картина преступного состояния мира, в котором одни «переступают» через себя, другие благословляют на эти жертвы или принимают их, а третьи, не рассуждая, «переступают» через всех и каждого, кто встретится им на пути. Такое состояние мира возмущает Раскольникова, который не может равнодушно проходить мимо чужих страданий. Символическим выражением несправедливого мира, переполненного насилием, страданием и злом, служит сон Раскольникова о забитой кляче, который он видит еще до «дела».

Казалось бы, прав был Д. Писарев, утверждавший, что «корень» преступления Раскольникова «не в мозгу, а в кармане»: бедность и жажда справедливости побудили его к преступлению. Однако сам Раскольников эту «побудительную причину» вовсе не считает ни главной, ни сколько-нибудь значимой. На Сонин оправдывающий вопрос: «Ты был

голоден! ты... чтобы матери помочь? Да?» — отвечает отрицательно: «Нет, Соня, нет... Знаешь, Соня... если б только я зарезал из того, что голоден был, — то я бы теперь... счастлив был!» Отважно доискиваясь глубинных причин преступления, герой наконец говорит: «Я просто убил; для себя убил, для себя одного... мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» Итак, преступление приобретает в глазах Раскольникова характер эксперимента, проверки себя на тип личности.

По убеждению Раскольникова, «люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям. Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели». Критерием разграничения разрядов является, таким образом, способность сказать «новое слово» в своей «среде». Признавая равное право обоих на существование, герой тем не менее считает, что историю двигают представители второго разряда — «собственно люди». Свое «новое слово» Раскольников сказал в статье «О преступлении», которую написал за полгода до изображаемых событий. Там в дополнение ко всем известным вещам о том, что все «установители» человечества всегда были преступниками, он высказал мысль о крови по совести, то есть о праве «собственно людей» «внутри себя, по совести», разрешить «перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее». Это «новое слово» родило у Родиона надежду принадлежать к «настоящим», или «собственно людям». Знать же наверняка, к кому он принадлежит, ему необходимо для того, чтобы решить, как поступать: принять мир таковым, каков он есть, — с «вечной Сонечкой», с Дуниной жертвой, с собою, которого ждет мармеладовская деградация; или же, если «право имеет», — «осмелиться» и «стряхнуть» всю эту несправедливость, привести людей к «новому Иерусалиму», да и самому стать человеком. Но теория героя оказывается крайне противоречивой как по существу, так и по ее последствиям для мира и человека.

Идея Раскольникова вступает в острейшее противоречие с человечностью, с нравственным законом самой личности. Это противоречие Достоевский раскрывает множеством способов, одним из которых являются сны героя, составляющие своего рода символический сюжет. Так, сон о забитой кляче не назовешь иначе, чем наказанием до преступления, настолько поражает героя мука невинного животного и отвращает насилие. Сон о трихинах, увиденный на каторге, — это крушение идеи. Ведь сон демонстрирует последствия, к которым приводит убеждение личности, будто она знает истину и может осчастливить людей. Развитие подобных идей оборачивается мировой катастрофой, гибелью человечества: «Спастились могли во всем мире только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса». Если критерием выделения «высших» в теории Раскольникова была способность сказать «новое слово», то сон демонстрирует бесконечную опасность и такого критерия, и самого разграничения людей на разряды.

Последствия моральной вседозволенности раскрывают двойники Раскольникова — Лужин и особенно Свидригайлов. Лужин и Свидригайлов являются двойниками Раскольникова в том смысле, что каждый из них реализует своей личностью и поведением возможности, потенциально заложенные в теории Раскольникова. Главным же подтверждением недопустимости моральной вседозволенности становится изображение нрав-

ственных страданий центрального героя. Эти страдания делают возможным воскресение Родиона Раскольникова к жизни и для любви.